

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3

ВЛАСТЬ И ЕНИСЕЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. МАРТ 1917 – ИЮНЬ 1918 гг.

© А.П. Шекшеев

Статья посвящена рассмотрению экономических отношений между местными органами Временного правительства, Советской власти, с одной стороны, и крестьянством, с другой, на территории Енисейской губернии, начиная с февральской революции 1917 г. и завершая антибольшевистским переворотом июня 1918 г. В основном автор рассказывает об организации, методах и эффективности продовольственной политики государства в обстановке крутых политических перемен, а также ответной реакции на неё крестьянства.

Ключевые слова: большевики, земства, красногвардейцы, крестьянство, общество, продовольственные органы, продовольственная политика, революция, Советская власть, социалисты-революционеры, спекулянты, хлеб.

THE POWER AND THE YENISEI PEASANTRY: ECONOMIC RELATIONS. MARCH, 1917 – JUNE, 1918

© A.P. Sheksheev

The article is devoted to economic relations between the local authorities of the Provisional government, the Soviet government, on the one hand, and the peasantry on the other, on the territory of the Yenisei province, starting with the February revolution of 1917 and ending with the anti-Bolshevik coup of June 1918, the author mainly talks about the organization, methods and effectiveness of food policy in the setting of abrupt political change, and the response to it of the peasantry.

Key words: Bolsheviks, district council, Red Guards, peasantry, society, food authorities, food politics, revolution, Soviet power, socialist-revolutionaries, speculators, bread.

Главным в отношениях государства и деревни в условиях Сибири являлось не столько обеспечение крестьян землей, сколько налаживание обмена производимыми товарами и продуктами. Наблюдаемое современниками к 1917 г. недостаточное развитие добывающей и перерабатывающей промышленности на Енисее сдерживало рост городов, которые становились лишь торговыми посредниками. Увеличение производства сельскохозяйственной продукции было опережающим по сравнению с возрастанием потребностей в ней и издавна регулировалось спросом российского и заграничного рынков [16, с. 170; 1, с. 43; 48, с. 78].

Ситуация со сбытом хлеба в Енисейской губернии постоянно осложнялась её географическим положением. Оказавшись

транспортно запертым, енисейский хлеб, вывозимый в западном направлении, из-за дальности перевозок и высоких железнодорожных тарифов был дорогим и не мог конкурировать с более дешёвой хлебной продукцией Западной Сибири. Вывоз преимущественно ржи и овса осуществлялся только в восточном направлении, где они слабо соперничали с маньчжурским зерном. Остававшийся в регионе хлеб переводился на муку, которая поступала к производителям с мельниц далекого Новониколаевска. Молочная и мясная продукция вывозилась в незначительных объёмах [16, с. 167, 169–170; 41, 7 апреля; 24, 9 марта]. К тому же, из-за неразвитости путей сообщения на Ачинск-Минусинской железной дороге, например, в январе 1917 г. скопились

залежи мяса, которые от порчи сберегались лишь сильными морозами [38, 27 января].

Все это лишало аграрное производство Енисейской губернии перспектив его расширения и уменьшало доходы крестьянских хозяйств. Во время Первой мировой войны регион переживал продовольственный кризис [15, с. 71–74]. «На хлеб спроса нет, вывоз его ограничен, – отмечал в дальнейшем современник. – Крестьяне продают его за бесценок, а в неурожайные годы сами покупают его по большой цене». По мнению очевидцев, сельское хозяйство губернии так и не вышло из ситуации, чреватой нарастанием крестьянских волнений [23, с. 15; 16, с. 167; 48, с. 5, 10].

До 1917 г. хлеб в стране закупался в деревне всеми желающими и способными к этому лицами. «Вечный», «самый проклятый вопрос», как называл продовольственное снабжение Николай Второй, его правительство в конце 1916 г. пыталось решить введением продразвёрстки. Но результатов, на которые оно рассчитывало, эта мера не дала. С января 1917 г. монопольное право на закуп хлеба получили сельскохозяйственные склады переселенческого управления. Они скупали хлеб для нужд армии самостоятельно и через кредитную кооперацию.

Начавшиеся в феврале 1917 г. революционные события получили поддержку крестьянства, которая выражалась не только в признании новой власти, но и в организации пожертвований. Так, к примеру, жители с. Нижняя Заимка Канского уезда, собравшись 13 марта на сходе, объявили сбор их в пользу Временного правительства, Государственной Думы и армии и за три дня собрали 400 пудов хлеба и 200 руб. денежных средств [6, 30 марта].

Объявив законом Временного правительства от 25 марта 1917 г. о введении государственной монополии на торговлю хлебом по твердым ценам, созданный губернский продовольственный комитет начал свою деятельность с акций, оставлявших крестьянам надежду на установление справедливых отношений. Он отпустил товариществу кооперативов для продажи к Пасхе сельскому населению 3 тыс. пудов муки-крупчатки 1-го сорта и 4,2 тыс. пудов

сахара, осуществил закупку 2 млн пудов хлеба в Минусинском уезде по приемлемым для крестьян ценам и запретил вывоз из региона дефицитных мануфактуры, обуви и изделий из железа. На 30 апреля 1917 г. путем закупок и пожертвований в Енисейской губернии для нужд армии и населения были заготовлены 510,7 тыс. пудов ржи, 729, 8 – овса и 47 тыс. пудов пшеницы. Из запасов, скопившихся в Красноярске, комитет решил уступить Иркутской губернии 300 тыс. пудов хлеба [6, 2 апреля, 6 мая; 41, 7, 15 апреля].

К лету 1917 г. зимние запасы мяса у губернского продовольственного комитета были исчерпаны и ожидалась массовая доставка его из сел. Хлебный же источник пока не исчерпался. Сельские общества Красноярского уезда продолжали ежедневно жертвовать и направлять в губернский комиссариат хлеб и денежные сбережения на нужды войны. Пожертвования активно поступали и от Дубенского, Восточенского, Кочергинского, Лугавского, Мало-Ининского, Мало-Минусинского, Ново-Вознесенского, Ново-Троицкого, Сагайского и Уджейского обществ Минусинского уезда. 2 июня жители д. Ильинки Шалаболинской волости собрали для армии 800 пудов зерна и 127 руб. деньгами. Состоявшийся 4 июня сход в с. Шушенском решил выделить в поддержку Временного правительства 2 тыс. пудов ржи. До осени 1917 г. только минусинское крестьянство пожертвовало для армии 15,9 тыс. пудов ржи, 745 пудов пшеницы, 960 – ржаной муки, 51 – овса. Из них на фронт были направлены 11 тыс. пудов ржи, 452 пуда пшеницы, вся пожертвованная мука и овес [6, 16 мая; 24, 4 июня; 40, 11, 20 июня; 41, 3 сентября]. Население Ачинского уезда пожертвовало для действующей армии в 1917 г. 7,6 тыс. пудов ржи, 10 пудов пшеницы, 681 – овса, 19 – ржаной муки [22, 5 декабря].

Хлеба было достаточно, но его заготовки в ближайшем хлебопроизводящем районе уже вызвали озабоченность у служащих губернского продовольственного комитета. Крестьянские сходы в Канском уезде, откликнувшись на призыв исполкома уездного Совета рабочих и солдатских депутатов отдать излишки хлеба армии и го-

родскому населению, послали обозы с ним на железнодорожные станции. Таким путем были собраны 200 тыс. пудов хлеба. Но вследствие того, что в местном продовольственном комитете из-за отсутствия договоренности с соответствующими учреждениями достаточного количества складских помещений и денег для расплаты с крестьянами не оказалось, этот источник хлебных поступлений вскоре иссяк.

Слабо организованы были заготовки и в других местностях губернии. Так, в д. Еловской Ачинского уезда крестьяне пожертвовали 20 тыс. пудов хлеба, но он так и остался лежать без движения. На 11 июня накошенные сельскими обществами Ужурской, Мало-Имышской и Корниловской волостей того же уезда 2 млн пудов сена в силу отсутствия транспортировки по железной дороге оказались невывезенными [6, 11, 21, 24 июня; 19, 21 июня].

Летом 1917 г. возникли и первые противоречия в деятельности продовольственных органов и местных комитетов общественной безопасности (КОБов). К примеру, в с. Назимовском Енисейского уезда комитетчики отменили предельные продуктовые цены, установленные продовольственным комитетом, и назначили свои, убыточные для купцов. Когда же один из них отказался подчиниться этому решению, то комитет реквизировал у него продукты и передал их для продажи в свою потребительскую лавку [27, с. 139].

В обстановке продолжавшейся войны исполнительный орган губернского продовольственного комитета губернская продовольственная управа, общества потребительской кооперации и частные торговые фирмы, занимавшиеся снабжением населения промышленными товарами, были вынуждены сократить их поставки в село. Объем получаемых в министерстве продовольствия и завозимой в регион хлопчатобумажной ткани против довоенного составлял лишь 25 %. В Красноярске образовались «сахарные хвосты», начались затруднения с освещением квартир. С вздорожанием керосина, используемого для этой цели городскими обывателями, соответственно исчез он и в деревнях, что заставляло крестьян при покупке переплачи-

вать. Из-за трудностей доставки товаров с Дальнего Востока, где они имелись в избытке, в Красноярске на первые числа сентября не стало и мануфактуры, а на октябрь продовольственная управа объявила об ограничении её отпуска сельским потребителем обществ [19, 6 июля; 41, 3, 7 сентября; 24, 3, 6 октября].

Хотя мануфактура, сахар и соль еще поступали в уезды, их приток не удовлетворял потребностей крестьянства, а появление и продажа дефицитных товаров вызывали ажиотаж. К примеру, 11 октября несколько дней у лавки общества «Самодетельность» в д. Шмандино наблюдалась очередь жителей, желавших приобрести катанки и мануфактуру. Одна из женщин при этом сломала руку, другая – ребро и у неё тут же начались роды [6, 11 октября].

Вместе с тем при экспорте зерна за пределы страны, продолжавшемся до октября 1917 г., осенью того же года повсюду разразился продовольственный кризис. Правительство, напомнив местным властям о государственной монополии, ограничившей свободную продажу хлеба, опубликовало распоряжение, требовавшее отправления всех запасов продовольствия на фронт. Скопив, благодаря высоким урожаям предшествующих лет, значительные запасы хлеба и ожидая подвоза из ближайших к Красноярску селений до 80 тыс. пудов хлебных излишков, губернский продовольственный комитет 28 августа 1917 г. решил отправить в голодавшие центральные города и действующую армию 100 тыс. пудов хлеба [18, с. 34; 41, 31 августа]. В то же время под влиянием окрепших большевиков комитетом в северный и приисковый Енисейский уезд, несмотря на имевшиеся там запасы хлеба, были посланы 100 тыс. и кооперативами – 19 тыс. пудов пшеницы [6, 22 сентября].

Местные продовольственные органы, не обладавшие полномочиями для осуществления реквизиции продуктов и боявшиеся народного возмущения, не спешили вводить удвоенные твердые цены на хлеб. Против повышения, к примеру, высказалась Красноярская городская дума. Об этом же сообщал в телеграммах Временному правительству председатель губернского

продовольственного комитета Н.Н. Шепетковский. Наконец им было получено новое правительственное распоряжение, категорически запрещающее передачу заготовленных продуктов в распоряжение общественных организаций, повторявшее указание о продаже хлеба по удвоенной цене и требовавшее отсылки всех запасов на фронт. Положение продовольственных органов, оказавшихся между правительством и местными политическими силами, становилось затруднительным [24, 25 октября].

Зная о сложившейся ситуации, деревня стала рассматривать хлебную монополию как грабёж и требовала эквивалентного обмена произведенных ею продуктов на промышленные товары. Не желая сдавать зерно государству, которое не могло обеспечить их потребности, крестьяне сократили вывоз муки, овса, запасов пимов и шуб на городские базары. В сентябре, например, незначительным являлся подвоз хлеба в Канск. Большую часть его, поступавшего на местный базар, расхватывали солдатки, приезжавшие из Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Закупаемый в деревне хлеб стал оседать у крупных скупщиков и спекулянтов. Запасы его в Красноярске и Канске истощились.

К тому же, в Мало-Минусинской, Восточенской, Лугавской, Тесинской, Кочергинской, Шушенской и Ново-Михайловской волостях Минусинского уезда был зафиксирован полный неурожай хлебов и трав. В результате ослабло поступление податей. Случившийся неурожай в степных районах Минусинского уезда заставил инородцев пуститься в поисках хлеба по русским селениям, а переселенцев Ново-Михайловской и Лугавской волостей – голодать [19, 14 сентября; 41, 14 сентября; 6, 29 сентября; 27, с. 318].

Состоявшееся 8–10 сентября 1917 г. в Минусинске уездное продовольственное совещание было вынуждено самостоятельно обсудить предложение правительства о сокращении частной торговли хлебом и вводе хлебной монополии. С этой целью его участники постановили провести учёт продовольствия на местах, а дальнейшие заготовительные операции и, в частности, реквизиции хлеба, осуществлять силами

кредитной кооперации и Монгольской экспедиции, продовольственных комитетов и управ. Они решили отправить в голодающие волости и селения, пострадавшие от пожара, запасы заготовленного хлеба, а для его реализации организовать специальные лавки. Совещание потребовало от правительства установления твердых и справедливых цен на товары фабричного производства [40, 29 сентября].

Следом проходившее пленарное заседание Минусинского уездного продовольственного комитета под председательством А.С. Сыромятникова заслушало сообщение уездного комиссара о том, что в некоторых местностях хлеб остался не обмолоченным, а крестьяне воспротивились его учету. Поэтому уездной продовольственной управе было поручено выявить крупных скупщиков и реквизировать хлеб у них по установленным твердым ценам [40, 23 сентября].

Кое-где данное решение было понято крестьянами так, что продовольственные служащие вознамерились использовать их хлеб в собственных целях. Хотя острой нужды в нем у населения не наблюдалось, в панике некоторые сельские общества, например, с. Казанцево, приступили к разгрузке общественных заготовительных магазинов [40, 8 октября].

В результате уже в сентябре 1917 г. у минусинских продовольственных лавок образовались «хвосты», в которых люди для получения 3–5 фунтов муки отстаивали в непогоду целые дни [40, 24 сентября]. 15 октября состоялся митинг торговцев, возложивших вину за недостаточность хлеба в городе на кооператоров-заготовителей, а 26-го – заседание городской думы, которое указало волостным земствам и кооперации приступить к его непосредственному обмену на мануфактуру [40, 26 октября, 2 ноября]. Случалось, население самостоятельно решало возникшие продовольственные затруднения. Так, жители с. Таштып предоставили рабочим Абаканского железодельного завода 300 пудов ржи, а те им – железные изделия [40, 2 ноября].

Тревожной складывалась ситуация с продовольственным обеспечением населения и в других местностях. В Канском уезде, например, где деревня приступила к мо-

лотье хлеба, задержка с вводом твердых цен настроила крестьян против продовольственных служащих [6, 29 сентября]. Объясняя отсутствие продажи хлеба своим недовольством «неравномерным распределением предметов первой необходимости между городом и деревней» и недостаточностью пайка, выдаваемого солдаткам, жители, к примеру, д. Можары Красноярского уезда, обвиняли власти в несвоевременном подвозе семян для весеннего сева [24, 5 октября]. В Ачинском уезде осуществлялись усиленные закупки скота союзом мясников и частными лицами из Красноярска по ценам выше установленных властями, которые грозили оставить население без скота, а Ачинск – без мяса. Вблизи Красноярска наблюдалось «нашествие» на деревню спекулянтов, которые скупленное продовольствие потом продавали в городе по завышенным ценам [6, 15, 22 октября].

Пользуясь обстановкой, большевики постепенно забирали продовольственное дело в свои руки и использовали его заготовки в собственных интересах. Ещё 8 августа 1917 г. губернский исполком высказался в поддержку инициатив Канского уездного продовольственного комитета [26, с. 158], который, не подчинившись указаниям губернской управы о ликвидации большинства волостных продовольственных органов, использовал денежные средства, отпущенные для заготовки продуктов, на их содержание. Игнорируя распоряжения регионального руководства и не допуская проверок своей деятельности, местные большевики разрешили вывоз хлеба, заготовленного губернской управой, в восточном направлении и в Могилёвскую губернию. Множество мешочников, получив от них разрешение на покупку хлеба и транспортировку его даже вагонами, подрывали продовольственные возможности губернии [8, л. 188, 190, 204].

Обострившаяся в октябре 1917 г. ситуация с продовольствием сопровождалась хаосом и поиском политического решения. Согласно описанию, оставленному советским автором, губернский комиссар Вл. М. Крутовский, получив телеграмму Временного правительства, в которой говорилось о необходимости создания особого

органа из представителей различных организаций для борьбы с начавшимися погромами, грабежами винных складов и захватом хлебных грузов, 23 октября 1917 г. провёл по этому поводу совещание. Собравшиеся справедливо констатировали, что погромная агитация и эксцессы в стране были обусловлены отсутствием продовольствия и наличием анархии, которая царяла в области производства и распределения продуктов. Однако ответственность за это совещание возложило на правительство, ибо оно вело, по мнению его участников, ошибочную для страны продовольственную политику, иллюстрацией чего являлось удвоение твёрдых цен на хлеб [2, с. 80].

На состоявшемся в тот же день заседании Красноярской городской думы заявивший о недостатке хлеба в городе большевик и член городской управы М.И. Фрумкин уже требовал «бороться с анархической постановкой продовольственного дела в стране». Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, его поддержал председатель думы М.И. Зелтын, в очередной раз обвинивший правительство в «пагубности» его политики. Но участники заседания большинством голосов не приняли эту резолюцию [24, 25 октября].

В то же время на октябрьских заседаниях 1917 г. городская дума, боявшаяся недовольства населения, опротестовала объявленное правительством повышение стоимости сахара и приняла предложение того же Фрумкина продавать его по старым ценам с небольшой надбавкой [24, 2 ноября].

Осуществляемое по инициативе советов направление в деревню солдат-отпускников также способствовало новому повышению цен на хлеб. Ввиду появления лиц, способных к возлиянию, зажиточные крестьяне стали его придерживать уже для самогонщиков, а бедняки и возвращавшиеся солдаты, не имевшие посевов, оказались обречёнными на полуголодное существование. Когда же члены продовольственного комитета переселенческой и неурожайной Ново-Михайловской волости решились просить о помощи в Бейском волостном

земском собрании, то были встречены насмешками [40, 16, 18 ноября].

Между тем находились лица, которые в преддверии голода помогали бедствующим крестьянам. Так, посредническое кооперативное товарищество Минусинского уезда пожертвовало для населения Ново-Михайловской и Лугавской волостей 100 кулей крупчатки. На состоявшемся 21 ноября в Ачинске уездном земском собрании было решено помочь хлебом населению Ново-Новоселовской волости и таежных районов. Независимо от поступления мануфактуры и только высказываясь за её более равномерное распределение между городом и деревней, представители местного крестьянства обещали снабжать город продовольствием [19, 19 ноября; 40, 23 ноября; 24, 6 декабря].

Ощущая слабый подвоз хлеба крестьянами, власти некоторых уездов перешли на более высокие покупные цены. Губернский продовольственный комитет, на попечении которого находились не только горожане, но и жители пристанционных поселков, силами управы закупил в Ачинском и Канском уездах 32 тыс. пудов ржи, 95 – овса и 3 тыс. пудов пшеницы и тем самым запаса продовольствием до середины декабря 1917 г. Несмотря на то, что в целом по Минусинскому уезду хлеб к заготовителям поступал слабо, случалось, что, например, в с. Абаканском крестьянам даже отказывали в приеме привезенного зерна. Организовав продажу хлеба населению по продовольственным книжкам и привозной муки на базарах, губернский продовольственный комитет предложил Красноярской городской думе с 12 декабря ввести новые на него цены [41, 21 ноября; 40, 26 ноября].

С августа и до конца 1917 г. Енисейская губернская продовольственная управа получила от Министерства продовольствия 267,1 тыс. аршин (аршин = 72 см) хлопчатобумажной ткани, 880 дюжин (по 12 штук) одеял, шарфов и платков. Кооперативными товариществами и частными торговцами на фабриках для населения региона были закуплены 85,3 тыс. аршин ткани и пр. тканевых изделий. Дважды в месяц мануфактура поступала уездным потребительским обществам для распределения среди населения.

Для нужд губернии за год были отправлены 192,4 тыс. пудов сахара. Управа заготовила 100 тыс. пудов соли, а остальную потребность в ней восполнили закупки, осуществленные кооперативными товариществами и частными фирмами [42, 13 января].

Взамен в текущем году губернский продовольственный комитет организовал отправку в действующую армию по разным данным от 1,5 до 1,7 млн пудов различного зерна, 10 тыс. голов скота и 30 тыс. пудов соленой рыбы, а также закрыл правительственные наряды для голодающего населения ряда западных губерний [22, 28 ноября].

Однако продовольственное положение населения Центральной России и городов Сибири продолжало ухудшаться. Месячный хлебный паек в Красноярске уменьшился до 25–30 фунтов (фунт = 409,5 гр) на каждого жителя [24, 30 ноября; 13, с. 79].

Пришедшие к власти большевики распорядились хлебом уже по-своему и наладили прямой товарообмен со своими центрами. Когда из Томска пришла телеграмма об угрожающем продовольственном положении, то Канский совдеп 13 ноября 1917 г. принял решение о помощи хлебом. Выступая в сборном цехе красноярских железнодорожных мастерских, нарком продовольствия И.А. Теодорович 20 ноября призвал рабочих «влиять на крестьян и помочь Петрограду». Объединённый губернский исполком 25 ноября опубликовал воззвание к крестьянам о необходимости выделения хлеба Петрограду и фронту.

К 27 ноября из Канска, где находились 2 млн пудов заготовленного прежней властью хлеба, в Томск вывезли 15 тыс. пудов. 29 ноября оттуда же маршрутным поездом из 50 вагонов отправили в Петроград 30, а по другим данным – 50 тыс. пудов. Хлеб сопровождала делегация, состоявшая из четырёх крестьян и солдат. Эта инициатива местных большевиков удостоилась благодарности очередного наркома продовольствия А.Г. Шлихтера, телеграмма которого была опубликована в газете «Красноярский рабочий». Понимая, что в зимнее время получить продовольствие из деревни практически будет невозможно, но, надеясь на его прибытие с открытием навигации из Минусинска,

синска, большевик А.И. Окулов на ноябрьском 1917 г. пленарном заседании Красноярского Совета выразил уверенность в вывозе из губернии в центр 1 млн пудов хлеба [24, 30 ноября; 26, с. 263, 518; 32, с. 325; 31, с. 194, 201].

В начале декабря большевики получили из Наркомата продовольствия телеграмму о том, что из Петрограда в их распоряжение отправлены пять вагонов сукна, по вагону – калош и сапог. В свою очередь, из Канска в Петроград были посланы два вагона с продовольствием и в наркомат – телеграмма о перспективах снабжения хлебом. Сообщив о возможном притоке хлеба, власти Канска брались вывезти его в центр. Там же они доносили, что губернская продовольственная управа, скупив на денежные средства, выделенные прежним правительством, до 600 тыс. пудов хлеба, препятствовала его вывозу. В телеграмме заключалось предложение передачи продовольственного дела от управы, якобы саботировавшей выполнение декретов Советской власти, к Канскому продовольственному комитету. Вместе с аппаратом, мельницами и ссыпными пунктами в его распоряжение должны были отойти и запасы хлеба, находившегося в складах кооперации. При этом комитетчики предлагали перевести им денежные средства, отпущенные на закуп хлеба и организацию продовольственного дела, а также снабдить их мануфактурой для товарообмена с крестьянами [42, 6 января].

Общим для деревни являлось ожидание от нового правительства всяческих послаблений, активной поддержки путём предоставления промышленных товаров и переложения финансово-имущественных тягот на буржуазию. Например, выступавший на II Красноярском уездном крестьянском съезде (1–15 декабря 1917 г.) представитель Сухобузимской волости жаловался на «неправильные» отношения между городом и деревней: мануфактура и железо отсутствовали, а цены на сельскохозяйственные продукты упали. Возмущало его и повышение цен на сахар. Делегат Есаульской волости высказался за установление твёрдых цен на предметы первой необходимости, а Тер-

тежской – за эквивалентный обмен с городом через кооперацию [37, с. 60–61].

Однако у новой власти промышленных товаров было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в них сельского населения. Дело доходило до конфликтных ситуаций. Так, когда крестьянам, приехавшим в декабре 1917 г. на красноярские склады обществ «Волга» и «Братья Нобель» за керосином, было отказано в продаже, то они грозились разгромить хранилища [8, л. 194].

Большевики оправдывались, заявляя о том, что получаемая губернией мануфактура в основном отправлялась в деревню. Но вести, приходившие с мест, говорили о другом. Приехавший из уезда и выступавший на пленарном заседании Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов военнослужащий Шалагин заявил, что крестьяне «давали хлеб», но взамен, кроме обещаний, ничего не получили. Для ознакомления с продовольственным делом и организации отправки хлеба в голодающие местности Соединенный исполком тут же избрал пятерых лиц [24, 30 ноября].

В селениях Минусинского уезда, где керосин стал продаваться по завышенным ценам, прекратилось снабжение горожан дровами и хлебом, а новоселы, лишённые продовольствия, в поисках его, напротив, устремились в город [40, 10, 12, 13 декабря]. Состоявшийся в конце ноября 1917 г. III уездный съезд крестьянских депутатов решил вводить хлебную монополию лишь после обсуждения этого вопроса на местах с участием посланных инструкторов [40, 2 декабря]. Но в ряде мест, например, в с. Мало-Минусинском, она стала осуществляться по решению волостного земства [40, 20 декабря].

С воцарением Советской власти продовольственным делом на местах ещё продолжали заниматься прежние органы, но оно все больше переходило к большевикам. Так, если в Ачинске заготовки осуществлялись городским управлением, то в Канске – под опекой соответствующего органа с обилием хорошо оплачиваемого штата, состоявшего из бывших спекулянтов, маклеров, кабатчиков и комиссаров из солдат. Не имея возможности содержать такой состав

уездных служащих, губернская продовольственная управа 11 декабря была вынуждена урезать смету. Но её предложение отрезаться от узкоместнических взглядов, направленного уездному продовольственному комитету, осталось без ответа [42, 4 января; 8, л. 188, 190, 204].

Сами продовольственные управы, обладавшие специальным аппаратом служащих и наделенные правами непосредственного выполнения заготовительных и торговых операций, но объявленные антисоветскими, оказались не в состоянии вести заготовки продуктов. Напротив, постоянным стало происходившее с ведома Енисейского губернского исполкома вмешательство представителей Советской власти в дела губернской продовольственной управы. 19 декабря 1917 г. состоялось заседание губернского продовольственного комитета, на котором её сотрудники заявили о «катастрофическом» продовольственном положении потребляющих районов региона, которое сложилось в результате деятельности Канского продовольственного комитета и советских органов. Они потребовали от губернского исполкома призвать к порядку данные службы, не вмешиваться самому в распределение хлеба и мяса, освободить от реквизиций мануфактуру на складах, восстановить нарушенный им план её распределения в губернии и поставили вопрос о доверии к своей деятельности со стороны губернского продовольственного органа и поддержке её Советской властью [42, 4 января].

В ответ впервые прозвучали предложения о реорганизации продовольственного дела, которая мыслилась большевиками и эсерами по-разному. Представитель губернского крестьянского съезда и социалист-революционер И.В. Казанцев предлагал передать его губернской земской управе, избранной самим населением. Однако заместитель городского головы и все тот же Фрумкин, назвав земство «мужицкой организацией», к которому горожане якобы не испытывали доверия, объявил собравшимся, что Советская власть намерена создать в городе свой продовольственный комитет, способный конкурировать с земским. Несмотря на такое заявление и предупрежде-

ние, исходившее от присутствовавшего большевика, о том, что в противном случае «придется прибегнуть к штыкам», заседавшие приняли резолюцию о вхождении продовольственного комитета в земские структуры. После этого большевики покинули заседание [20, 8 февраля].

Для того чтобы заинтересовать крестьян в товарообмене, красноярские красногвардейцы и милиционеры во главе с Г.С. Вейнбаумом в ночь на 17 декабря произвели обыск в двух проходящих поездах. Здесь они экспроприировали мануфактуру на несколько сотен тыс. руб. «Законность» данной акции была подтверждена решением губернского исполкома о запрете провоза товаров из Владивостока через Красноярск. Милиция реквизировала в магазинах красноярских торговцев и на казённом сельскохозяйственном складе мануфактуру, крупчатку, мыло, табак, красное вино и казанки. Во время новогоднего и рождественского праздников 1918 г. во все отделения городской милиции были направлены комиссары в сопровождении солдат, которые произвели обыски у зажиточного населения. Весь реквизированный товар был отправлен уездным советам для обмена у населения на хлеб [2, с. 152–153].

Между тем крестьяне проявляли недовольство введением продовольственными управами хлебной монополии. В Минусинском уезде, к примеру, инструкторы, командированные в декабре 1917 г. для разъяснения населению важности этого мероприятия, встретились с чинимыми препятствиями. Так, в Комской волости они получили допуск к учету хлеба лишь в нескольких селениях. Двое из них, принятые за большевиков, были крестьянами избиты, арестованы и доставлены в местную тюрьму. Продовольственная управа решила реквизировать хлеб в волостях, отказавшихся от введения хлебной монополии. Однако в Сагайской волости жители отказались выдать ранее реквизированный хлеб [40, 25, 30 декабря].

В других местностях крестьяне, считая, что власть перешла в руки «своих», перестали платить подати и повинности, приступили к упразднению избранных земств, заменяя их советами. Оказавшись без

средств существования и поддержки большевиков, которые считали, что земства вскоре будут расформированы, представители Ачинской уездной земской управы получили для своего существования последние денежные средства, имевшиеся у губернских земцев [42, 6 января].

Губернский продовольственный комитет был вынужден телеграфировать в Петроград о том, что Канский продовольственный комитет, пользуясь поддержкой, выраженной ему в телеграмме Наркомата продовольствия от 6 января 1918 г., отказался подчиняться и пообещал СНК заготовить с тем, чтобы напрямую снабжать столицу, мифический объем хлеба. В результате его деятельности были сорваны обязательные поставки енисейского хлеба в Иркутский и Якутский регионы, снабжение продовольствием населения потребляющих волостей, военнопленных и железнодорожных служащих внутри губернии. На развалинах хлебной торговли вырос спекулянтский хлебный рынок и возникло мешочничество, которое проникло в Канский уезд и выросло до вывоза хлеба вагонами в восточном направлении. Оно «пробило брешь» в твердых ценах и стимулировало крестьянский саботаж. Губерния оказалась, по мнению продовольственных служащих, «обреченной на голод».

С целью предотвратить окончательное разрушение продовольственного дела и в соответствии с законом прежнего правительства от 16 марта 1917 г. губернские продовольственные органы 3 и 7 января 1918 г. постановили передать его до созыва Учредительного собрания в ведение Временной губернской земской управы [42, 12, 13 января].

Перехватывая инициативу, большевики решили заменить ранее существовавшие продовольственные органы Временного правительства. 6 января 1918 г. они создали губернский продовольственный съезд, на котором присутствовали 33 представителя губернского, уездных советов, железнодорожного продовольственного комитета, Центрального бюро профессиональных союзов и немногие служащие губернского товарищества и городских кооперативов. Заседая вплоть до 11 января, «подтасован-

ный» съезд проголосовал за упразднение прежней губернской и избрал новую продовольственную управу. Несмотря на протесты служащих, заявивших о том, что губернский продовольственный комитет передается в ведение земства, большевики, назвав эту организацию «самозванной» и угрожая оружием, захватили его помещение.

Следом было объявлено о реорганизации продовольственных служб в уездах. Красноярская управа превратилась в филиал губернской продовольственной управы, а волостные органы – в продовольственные столы при земских управах. Некоторые из последних уже объявили себя советами. В Минусинске новый продовольственный комитет сразу же постановил уменьшить твердые цены на овес, а большевик Т.А. Шаповалов, выступая в земском собрании, заявил, что хлебную монополию придется вводить силой. На уездном земском собрании в Енисейске лидер местных большевиков С.М. Иоффе от имени местных солдат и рабочих обвинил гласных городской думы в демагогии и призвал разогнать представителей населения уезда. Упразднив «старую» продовольственную управу, большевики поставили во главе продовольственного дела в Енисейском уезде некоего Шарафутдинова, названного газетой «невежественным» человеком [20, 8 февраля; 5, 17 февраля; 42, 2–15 февраля].

Начиная с января 1918 г., советы в Енисейской губернии создали внутри себя продовольственные отделы и тем самым взяли заготовку хлеба под своё непосредственное руководство. Однако большевики, хотя и заявляли о ничтожной роли в продовольственном деле «старых» органов, вероятно, так и не смогли окончательно отодвинуть от него опытных служащих прежнего управления. Состоявшееся 21 января 1918 г. губернское продовольственное совещание, заявив о необходимости централизации продовольственных мероприятий вокруг губернской продовольственной управы, приняло план её работы [25, 31 мая; 44, с. 164, 166].

С переходом продовольственного дела к Советской власти она выделила для товарообмена с енисейскими крестьянами

200 тыс. руб. денежных средств, на которые продовольственный отдел губернского исполкома начал закупку мануфактуры. 18 февраля 1918 г. председатель губернского исполкома Вейнбаум телеграфировал в Петроградский государственный банк о необходимости прислать в Красноярск денежные знаки на сумму в 25 млн руб., предназначенные для финансирования закупок и вывоза продовольствия, организации общественных работ, а также борьбы с контрреволюцией. В губернии начали функционировать мануфактурный и коневодческий магазины. Увеличилась подача вагонов с керосином и нефтяными продуктами. С целью борьбы с мешочниками был организован ряд заградительных постов и сыпных пунктов. Для покупки хлеба у крестьян и доставки его первыми пароходами в губернский центр губернская и Красноярская уездная продовольственные управы в феврале 1918 г. открыли сыпные пункты в с. Даурском и Новоселово, Белыке и Абаканском соответственно Ачинского и Минусинского уездов. Зимой этого же года крестьяне Канского уезда продали союзу кредитной кооперации 1 млн пудов овса, запасы которого в Красноярске шли на муку [7, 6–19 марта; 25, 31 мая].

Но товарообмен, как считают исследователи [33, с. 27], не состоялся, ибо большевики, которых, прежде всего, интересовало распространение в деревне революции, его провалили. Снабжение крестьянства сельскохозяйственными машинами осуществлялось неудовлетворительно: партия их, закупленная в США, вместо Владивостока попала в Японию. Объем полученного от заводов железа не удовлетворил запросы населения. Крестьяне с недоверием относились к свободному обмену и с неохотой обменивали хлеб даже на дефицитные в деревне плуги и кожу. Тем более что в таких местностях, как Зелеевская, Михайловская, Шерчульская, Мининская и частично Нахвальская и Больше-Муртинская волости Красноярского уезда, ощущался острый недостаток хлеба. В марте 1918 г. в Красноярске иссякли запасы муки, сократился сахарный паёк. Заявив об ухудшении продовольственного дела в губернии, состоявшееся еще 4–5 марта гу-

бернское продовольственное совещание снова рекомендовало властям перейти к хлебной монополии [42, 2–15 февраля; 7, 11–24 марта; 25, 31 мая; 44, с. 175–176].

Находясь у власти в обстановке острого социально-экономического кризиса, большевики были вынуждены обратиться к ужесточению аграрной политики. Рассмотрев ситуацию, губернский съезд Советов (1–13 марта 1918 г.) принял новые «Общие положения обмена товаров на хлеб», согласно которым местные власти обязывались выдавать крестьянам за сдачу трёх пудов ржи или двух пудов пшеницы аршин мануфактуры и доплачивать деньгами. Постановив, что в случае отказа сдавать излишки хлеба по твердым ценам, он должен реквизироваться с понижением оплаты на 15 % и без права владельца на получение товаров, съезд в сущности выступил за введение хлебной монополии. В то же время его участники, приняв резолюцию по продовольственному вопросу, в которой отметили, что зажиточные слои деревни «преступно задерживали хлеб», тем самым обозначили классовую направленность хлебозаготовок [26, с. 372; 28, с. 34].

Новые правила отношений с деревней предложила Инструкция Наркомата продовольствия к Декрету Совнаркома от 26 марта 1918 г. Согласно этому документу промышленные товары в случае полной сдачи хлеба крестьянами определённой волости должны были распределяться по её селениям равномерно среди жителей. Непосредственно крестьянин товар не мог получить, он передавал квитанцию о сдаче хлеба в совдеп или общество потребителей, которые и распределяли материальные ценности. Поэтому товар часто служил не орудием обмена, а премией неимущим крестьянам за содействие в выкачке хлеба. Тем самым состоялась очередная попытка усилить его заготовку в принудительном порядке, используя снабжение товарами беднейшей части деревенского населения.

Там, где советы в деревнях возглавили настроенные решительно большевики, хлеб принудительно изымался у крестьян. Так, Тасеевский совдеп, выставив кордоны, задержал более тысячи крестьянских подвод, направлявшихся на рынок, и реквизировал

до 40 тыс. пудов хлеба. Содействовали изъятию его и рабочие продовольственные отряды. Например, в марте 1918 г. такой отряд, созданный на железнодорожной станции Абакан из уполномоченного и девяти красногвардейцев, обследовал ряд улусов Усть-Абаканской волости, где произвёл опись хлебных запасов в 26 хозяйствах, а затем и реквизицию «излишков» по твёрдой цене [47, с. 101–107; 18, с. 62].

В некоторых селениях Ачинского уезда жители организовались и ввели коллективный товарообмен. Заставив крепких мужиков сдавать хлеб на ссыпные пункты, они усилили его поступление, а полученные за это товары распределяли равномерно между всеми крестьянами [32, с. 325, 327].

В других – волостные советы проводили хлебную монополию, передавая часть изъятого продукта бедноте. Так было, к примеру, в Ермаковской, Идринской и Мало-Мигнинской волостях Минусинского уезда, Ворговской, Пировской и Яланьской волостях Енисейского уезда, Степно-Баджейской и Покровской волостях Крас-

ноярского уезда. Но в целом по губернии такая форма заготовок получила распространение лишь в 10 волостях [18, с. 63; 17, с. 10].

Новые поправки в организацию хлебозаготовок были внесены постановлением продовольственного отдела губернского исполкома от 23 апреля 1918 г., которое предоставляло право отчуждения излишков хлеба у частных лиц и передачи их нуждавшимся. Отказчики предавались суду ревтрибунала, а хлеб реквизировался со скидкой твёрдых цен на 30 % [26, с. 436].

Используя различные способы, власти Енисейской губернии с августа 1917 по апрель 1918 г. заготовили 1051 тыс. пудов хлеба, которые составляли, примерно, четверть всех крестьянских запасов [30, с. 74]. Вопреки утверждению советской историографии, основанному на воспоминаниях руководителей продовольственного дела в Сибири [13, с. 80], этот хлеб не был сугубо бедняцким.

Испытывая нехватку финансовых средств, советы попытались собрать с кре-

Съезд Советов Сибири (Красноярск, сентябрь 1917 г.). Сидят (крайний справа) Г.С. Вейнбаум, (второй слева) Т.А. Шаповалов; во втором ряду – второй справа А.М. Маслов; в третьем ряду – слева Я.Е. Боград

стьянства недоимки за 1916 и 1917 гг. Соответствующее постановление было принято на губернском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в марте 1918 г. Однако крестьяне, уверенные в том, что революция их полностью освободила от уплаты любых налогов, встретили данную меру с негодованием. К примеру, общее собрание граждан с. Замятинского Красноярского уезда 10 марта постановило: «Ввиду того, что раскладка на 1917 г. производилась старым императорским правительством, общество отказывается ... платить сборы». В том же месяце исполком совета крестьянских депутатов Мининской волости того же уезда констатировал, что «крестьяне совершенно ни копейки не платят и ... даже не показывают желаний платить» [14, с. 83].

Случалось, некоторые советы сами отказывались поддерживать политику своей власти. Так, к примеру, 27 февраля 1918 г. середняцкий по составу Больше-Муртинский волостной совет (Красноярский уезд) принял решение о введении на подведомственной ему территории хлебной монополии, установлении твердых цен на хлеб, устройстве в селе ссыпного пункта и контроле за базаром, а 4 апреля он же высказался против товарообмена, за закупку хлеба в волости только по рыночным ценам [18, с. 64].

Попытки большевиков вернуть контроль над продовольственным делом с помощью Красной гвардии приводили к случаям крестьянского сопротивления. Когда на вновь открывшийся ссыпной пункт на ст. Камарчага для охраны хлеба были посланы девять красногвардейцев, то на них напали 35–40 крестьян из окрестных селений. Один из красногвардейцев, вырвавшись, пытался телеграфом сообщить об этом инциденте в Красноярск. Но его тут же избили. Для усмирения крестьян в Камарчагу был отправлен красногвардейский отряд [2, с. 111–112].

Казалось бы, деревня при наличии невыгодных для неё отношений с государством должна была сократить хозяйственные возможности. Но в условиях выживания наблюдалось обратное: начавшееся в апреле 1918 г. распределение земель охватило

значительное количество крестьян. Засеяли поля даже те, кто ранее такой возможности не имел. Посевы в губернии против 1917 г. выросли на 65,1 тыс. десятин, или на 9 % [46, с. 9].

Весной 1918 г. страна оказалась в ситуации, повторявшей многие черты предоктябрьской эпохи: нараставший экономический, социальный и политический кризис, слабость и раскол власти, которая не имела реалистичной программы выхода из него, а также недовольство её деятельностью со стороны общества. На местах такое положение было обусловлено, прежде всего, слабой финансовой обеспеченностью советских органов. Так, например, Минусинский совдеп в телеграмме Совнаркому РСФСР от 1 апреля 1918 г. сообщал, что он уже четыре месяца обходится собственными денежными средствами, которые сильно истощились. В результате стали закрываться школы, больные в лечебных учреждениях голодали, солдатики, случалось, от истощения даже умирали, а неокрепшие советы прекращали работу. Чтобы осуществлять хоть какую-то деятельность, местные большевики просили выделить Минусинскому казначейству 5 млн руб. [11, л. 61]. В телеграмме от 3 апреля совдеп умолял ВЦИК, мотивируя свою просьбу тем, что промышленные и полевые работы остановились, а золото рудников расхищалось, «оказать хотя бы какую-нибудь помощь» [12, л. 1]. 13 апреля он же телеграммой информировал СНК о большом недостатке продовольствия и наличии более 3 тыс. безработных [10, л. 4].

Понимая, что отсутствие новых денежных знаков оказывало сильное антисоветское агитационное воздействие на обывателей и, убедившись в том, что финансовой помощи ему не дожидаться, пленарное заседание Минусинского Совета запросило ВЦИК о разрешении штемпелевания старых денег. При осуществлении этой акции предполагалась выдача крестьянам по 200 руб. на человека, а прочая сумма, предоставленная ими, зачислялась за советами в качестве долга населению [12, л. 2].

К тому же власти соседнего региона, которым губернский продовольственный отдел отказал в выделении мануфактуры,

реквизировали 80 её тюков, предназначенных для обмена на хлеб в Минусинском уезде [25, 31 мая].

Такая обстановка не способствовала продовольственным заготовкам, объем которых в Енисейской губернии стал уменьшаться. Вместо предоставления хлеба советам крестьяне предпочитали использовать его на выгонку самогона. На 1 мая 1918 г. в Красноярском уезде заготовили лишь 150 тыс. пудов ржи. Кредитная кооперация собрала 170 тыс. пудов зерна. Ачинский продовольственный отдел пытался применить реквизицию хлеба, которая оказалась неэффективной. Тогда в четырёх волостях уезда в обмен на хлеб был пущен спирт, на который удалось выменять 5 тыс. пудов ржи. В Минусинском уезде заготовки хлеба начались лишь в марте. Но из-за неудовлетворительной организации ссыпных пунктов они осуществлялись здесь слабо [25, 31 мая]. Претворение в жизнь хлебной монополии, как и ранее товарообмена, не принесло большевикам желаемых результатов.

Попытку крутого поворота в продовольственной политике Советской власти большевики совершили в мае – июне 1918 г. Затея вооружённого похода в деревню имела, по мнению учёных, доктринальную основу. Раскол деревни прогнозировался В.И. Лениным ещё в марте 1917 г., когда в своих «Письмах из далека» он ставил задачу создания органов, отдельных от всеобщих крестьянских советов и состоявших из рабочих и батрацких депутатов. Позднее угрозу революции её вождь увидел со стороны крестьянской стихии, которую можно было, по его мнению, победить лишь силовыми методами. На заседании ВЦИК 29 апреля он говорил о необходимости беспощадной борьбы с крестьянами – «мелкими хозяйчиками», не любящими организации и дисциплины [33, с. 63, 195]. Нарком продовольствия А.Д. Цюрупа в докладе ВЦИКу 9 мая 1918 г. объяснял: «Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идёт о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб» [36, с. 254]. 20 мая Я.М. Свердлов потребовал от местных органов «разжечь гражданскую войну в деревне» [39, с. 213–216].

Введение продовольственной диктатуры являлось, по мнению одного из исследователей, первым шагом на пути к построению социалистического земледелия [21, с. 233]. Другой историк заявил, что в основе большевистского поворота лежала как «диктатура теории» – стремление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, так и обстоятельства, являвшиеся следствием прежней политики [29, с. 181, 184]. Ещё один исследователь одновременно с утверждением о том, что вооружённый поход большевиков за хлебом служил разжиганию Гражданской войны, выдвинул тезис о его направленности против советов, которые, будучи уже не большевистскими, весной 1918 г. бунтовали против экономической политики РКП(б) и восстанавливали свободную торговлю хлебом. Следующим правительственным актом после введения продовольственной диктатуры, указывал он в подтверждение своей мысли, стала реорганизация Наркомата продовольствия и переподчинение его местных органов напрямую правительству [33, с. 66]. В целом же отечественная историография едина в выводе о том, что аграрная и продовольственная политика Советской власти создала условия для возникновения Гражданской войны [43, с. 95].

Ещё до решения Центра о вводе продовольственной диктатуры её осуществлял Канский совдеп [13, с. 80], а Енисейский губернский и Красноярский уездный исполкомы с целью усиления поступления хлеба 7 и 8 мая 1918 г. приняли постановления о посылке в деревню красногвардейских отрядов, которые, прежде всего, должны были заняться реквизицией семенного материала у зажиточных крестьян. С этого времени красный террор в деревне стал приобретать, по мнению одного из исследователей, характер социально-провоцирующих действий большевистского государства [3, с. 233]. Осуществляя изъятие у «кулаков» семенного материала, большевики с целью заинтересовать в этой акции бедноту и тем самым ещё более расколоть деревню стали выделять его часть активистам. Губернский продовольственный отдел, снизив цены, выделил для про-

даже неимущим крестьянам Красноярского уезда 6 тыс., а соответствующий орган в Ачинске – населению семи волостей, пострадавшему от неурожая, – 20 тыс. пудов хлеба [32, с. 327].

Декретами ВЦИК от 9 мая, ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. в стране была объявлена продовольственная диктатура. Наркомату продовольствия были предоставлены чрезвычайные полномочия в борьбе с зажиточными слоями деревни, якобы укрывавшими и спекулировавшими хлебными запасами. Все держатели продовольствия, не заявившие его к сдаче в недельный срок, не вывезшие хлеб на ссыпные пункты и занимавшиеся его перегонкой на самогон, объявлялись врагами народа. Укрывателям хлеба грозили конфискация хлеба и имущества, тюремное заключение. Трудящееся крестьянство призывалось к немедленному объединению для «беспощадной борьбы с кулаками». Поощрялось доноительство: лица, указавшие на укрытие, получали половину изъятого хлеба. Наконец, Советская власть узаконила направление в деревню для осуществления продовольственной диктатуры рабочих и красногвардейских отрядов.

По более поздним сведениям белой прессы, енисейская деревня в 1918 г. не испытывала продовольственных затруднений, у крестьян сохранялись существенные запасы хлеба [48, с. 10]. Но губерния помочь Центру продовольствием могла, лишь выкачав хлеб в Канском и Минусинском уездах. Неслучайно большевики заявляли: «Без минусинского хлеба мы не провоюем и одной недели» [35, С. 178].

С целью выяснения наличия и организации заготовок хлеба губернский исполком послал в Минусинский уезд делегацию, состоявшую из Я.Е. Богграда, А.П. Лебедевой и заместителя председателя Н.Н. Демидова. С приездом её в Минусинск 20 мая 1918 г. состоялось чрезвычайное пленарное заседание совдепа, участники которого заявили о возможности обмена товаров на хлеб в объеме от 1,5 до 3 млн пудов. Они решили реквизировать у «кулаков» и немедленно отправить в Красноярск 40 тыс. пудов хлеба. Встретив сопротивление со стороны уездной продовольственной

управы, которая сочла, что население уезда недостаточно снабжено продовольствием, с агитационными целями разъехались по деревням депутаты крестьянской секции.

24 мая Демидов и Лебедева отчитывались о проделанной работе на пленарном заседании Красноярского Совета. Выслушав их, оно предложило губернскому исполкому напрячь все силы, чтобы вывезти из Минусинска как можно большее количество хлеба и отправить его в голодающие губернии. Но, в отличие от выводов Демидова, прогноз Лебедевой относительно возможности вывоза хлеба из Минусинска оказался менее оптимистичным. Согласно её наблюдениям, минусинская деревня, не подвергшись глубокому расслоению по имущественному признаку, не испытывала желания расставаться с ним. Доставить хлеб в Красноярск мирным путём, считала Лебедева, будет затруднительно [25, 28 мая; 26, с. 471, 527].

Понимая, что деревенская беднота в Сибири малочисленна и слабо организована, а использование в продовольственных заготовках вооружённых местных уроженцев приведёт к срыву объявленного призыва в Красную армию, Енисейский губернский исполком ещё 17 или 18 мая 1918 г. телеграммой в ЦИК, СНК, В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому сообщил о поддержке Декрета ВЦИК о продовольственной диктатуре. Однако он попросил для слома сопротивления «кулаков» и изъятия у них продовольствия прислать в Красноярск воинские части. Выполнить эту просьбу Я.М. Свердлов, в связи с событиями на фронте, отказался [32, с. 327; 12, л. 5, 8].

Для обсуждения и решения усложнившихся в условиях начавшегося чехословацкого мятежа продовольственных задач 27–30 мая 1918 г. состоялся губернский продовольственный съезд. На нём были подведены неутешительные для Советской власти итоги продовольственной работы, подвергнута критике деятельность соответствующих органов, которые даже не располагали сведениями о запасах хлеба на местах.

Оказавшись без поддержки Центра и в кольце враждебных сил, красноярские большевики были вынуждены вновь обратиться к более мягкому государственному

регулированию отношений с деревней. Принятая съездом резолюция нацеливала губернский и уездные продовольственные органы на проведение в жизнь хлебной монополии, которая должна была осуществляться крестьянами как добровольно, так и под воздействием репрессивных мер. В то же время съезд разрешил товарообмен, выгодный определенным лицам в деревне. Техническое выполнение продовольственного плана было возложено на два союза и 700 обществ потребительской, три союза и 150 товариществ кредитной кооперации [26, с. 482, 484].

Вследствие того, что Советская власть в Сибири агонизировала, данные решения съезда оказались невыполненными, а дальнейшие продовольственные заготовки вышли из-под контроля губернского исполкома. Так, Енисейская уездная продовольственная управа не выполнила указания губернского продовольственного комитета об отпуске в Туруханск и приискам Северо-Енисейского горного округа 10 тыс. пудов хлеба [26, с. 490, 501].

Продовольственные заготовки, осуществляемые в Минусинском уезде агентами и членами губернского исполкома, вызывали у населения казачьих станиц и старожильческих сел крайнюю неприязнь. В с. Большая Иня она выплеснулась в самосуд со смертельным исходом, которому местные заправилы подвергли на время вернувшегося с заготовительных работ большевика Шаповалова. Посланная исполкомом для расследования следственная комиссия с красногвардейским отрядом не смогла выполнить свою задачу. Другой отряд, состоявший из 20 красногвардейцев, войдя в с. Шалаболино, заставил местных жителей сдавать хлеб по твердым ценам и взял с них контрибуцию. Прознав о чехословацком выступлении, крестьяне пустились за ним в погоню, а затем, организовавшись в отряды, насчитывавшие около 800 человек, разгромили советы и расстреляли 12 схваченных большевиков. Согласно другой версии, местное население прогнало большевистских агитаторов, пытавшихся склонить его к избранию делегатами очередного крестьянского съезда угодных совдепу лиц, разоружило и оскорбило поя-

вившегося следом красногвардейца. Посланный же с целью наведения порядка отряд из 24 минусинских красногвардейцев, натолкнувшись на сопротивление находившихся на их пути деревень, был вынужден повернуть обратно. Вскоре с. Шалаболино стало повстанческим лагерем, откуда крестьянские дружинники, объединившись, двинулись на Минусинск [18, с. 72; 4, 3 июля].

Находясь в тисках возникших фронтов и надеясь обезопасить себе тылы, красноярские большевики 10 июня 1918 г. выдали горожанам с продовольственных складов 18,7 тыс. пудов семенного хлеба и более 5 тыс. пудов картофеля [9, л. 29]. Но подобные меры уже не могли спасти Советскую власть от поражения.

Оценивая деятельность большевиков в сибирской деревне, один из авторов считал, что продовольственная политика, осуществляемая через систему конфискации и реквизиций, вызвала недовольство крестьян, оттолкнула их от Советской власти и обеспечила её падение [45, с. 88]. Лозунг «Земля – крестьянам» оказался, согласно мнению современного историка, лозунгом голода в городах. Он привёл крестьян к отказу от своих обязанностей по отношению к обществу. Большевистская же власть, не имея сил организовать выплату налога, была вынуждена прибегнуть к чрезвычайным мерам [34, с. 60; 33, с. 110].

Похожая ситуация складывалась и на Енисее. В конце июня 1918 г. в Красноярске имелись только 20 тыс. пудов продовольствия, а на ссыпных пунктах губернии были собраны 150 тыс. пудов хлеба, которого не хватало даже для снабжения северных районов. Доедая последние, рассчитанные на две недели, запасы хлеба, красноярские обыватели жили в атмосфере слухов о приближающемся голоде [4, 23 июня, 3 июля; 42, 7 июля]. В то же время политика продовольственной диктатуры была не только кратковременной, но и почти безрезультатной. Она не затронула широких масс енисейской деревни. Спровоцированные ею, в свержении большевистской власти участвовали в основном лишь минусинские крестьяне.

Уже 21 июня 1918 г., т. е. на следующий день после освобождения Красноярска от большевиков, губернский комиссариат подчинил продовольственную управу земству, которая тут же организовала отпуск продуктов из специальных лавок. 1 июля продовольственное бюро Западной Сибири и Степного края приняло проект Временного Сибирского правительства о регулировании хлебной торговли, согласно которому отменялась хлебная монополия государственных органов, а следом было объявлено и о свободном обращении на рынке мелкого скота. С повышением твердых цен минусинский хлеб на плотах начал сплавляться в Красноярск [4, 26 июня; 42, 13 июля].

Следовательно, енисейские крестьяне, ожидая изменений в экономических отношениях с государством, поддерживали революционные события 1917 г. Но в условиях войны снабжение деревни промышленными товарами резко ухудшилось, а объявленный государством выход из создавшегося продовольственного кризиса путем выполнения хлебной монополии даже местными органами, не обладавшими полномочиями для осуществления решительных мер и боявшимися народного выступления, поддерживался непоследовательно. Стремление правящих кругов выйти из кризиса, ущемляя интересы крестьян, воспринималось ими как грабёж и было обречено на провал.

Обострившаяся в октябре 1917 г. ситуация с продовольствием подталкивала политических противников к решению вопроса о власти. Продовольственные управы, обладавшие опытом и возможностями для выполнения специальных операций, но объявленные антисоветскими, оказались не в состоянии вести заготовки продуктов. Напротив, местные большевики, организуя прямой товарообмен с центром и деревней, усиливали свое воздействие на продовольственное дело. В результате были сорваны обязательные поставки енисейского хлеба, вырос спекулянтский рынок, и возникло мешочничество, стимулировавшее крестьянский саботаж.

Произведя захват местных продовольственных органов, большевики пытались

организовать с деревней прямой товарообмен. Но он не состоялся, а начавшийся весной 1918 г. новый кризис заставил их прибегнуть к ужесточению своей политики в деревне. Введение же продовольственной диктатуры оказалось столь же несостоятельным и способствовало лишь росту антисоветских настроений среди крестьянства.

Приложение

БИОГРАФИИ

Боград Яков Ефимович (Янкель Хаимович) (1878–1919) – уроженец г. Одесса, из семьи служащего, еврей. Окончил гимназию (1895). Участник социал-демократического движения с 1894 г. В июне 1895 г. впервые арестовывался по делу группы народолюбцев, но был освобожден. Активный член «Южно-Русского рабочего союза», арестовывался и ссылся. Эмигрировал в Швейцарию, где учился в Бернском университете. Участвовал в Первой русской революции, арестован и выслан за границу. Окончив Бернский университет (1909), защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора математики и философии. В апреле 1913 г. арестован и выслан на четыре года в Туруханский край. С 1914 г. из-за болезни проживал в Красноярске, работая в кооперативе «Самодетельность». В 1916 г. за забастовку типографских рабочих сослан вновь в Туруханский край. С июня 1917 г. – в Красноярске: читал лекции, сотрудничал в газете. Избран в состав Средне-Сибирского областного бюро РСДРП(б) и ЦИК Советов Сибири. После октября 1917 г. выступал с разъяснением первых декретов Советской власти, в качестве комиссара при штабе участвовал в подавлении Иркутского юнкерского мятежа. На II общесибирском съезде Советов (Иркутск, февраль 1918 г.) был избран вновь членом Центросибири. В марте 1918 г. участвовал в работе II съезда Советов Забайкалья. С мая – уполномоченный по заготовке хлеба в Минусинском уезде и член военно-революционного штаба. Во время антибольшевистского переворота организовывал дружины на рудниках «Юлия» и «Улень». Арестован и в качестве заложника расстрелян в Красноярске.

Вейнбаум Григорий Спиридонович (1891–1918) – уроженец г. Рени (Бессарабия), из семьи статского советника и видного чиновника. Окончил гимназию, учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. С 1910 г. – член РСДРП(б). За агитационную работу среди рабочих был арестован и отбывал ссылку в д. Подгорная Енисейского уезда и д. Каргино. С амнистией в конце 1915 г. начал служить в Томском банке. Осенью 1916 г. переехал к жене в Минусинск, где работал в потребкооперации. После февраля 1917 г. остался в Красноярске, был избран членом Красноярского районного бюро РСДРП(б), работал редактором газеты «Красноярский рабочий». С августа – член и председатель губернского исполкома. Избирался членом бюро Советов Средней Сибири и ЦИК Советов Сибири. С декабря 1917 г. по март 1918 г. – нарком иностранных дел Сибири. 15 мая 1918 г. был вновь избран председателем губернского исполкома. Участник переговоров в Мариинске с чешскими legionерами. С падением Советской власти бежал в составе совдепа в Туруханский край, где был арестован, а затем в Красноярске расстрелян белочехами.

Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938) – уроженец одного из приисковых поселков Енисейской губернии, из семьи управляющего. Окончил Красноярскую гимназию (1876), Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (1881). С 1884 г. – член партии «Народная воля», за революционную деятельность ссылался в Сибирь. Служил в Ачинске и Красноярске врачом. Инициатор создания городской бесплатной больницы (1885), первых в Сибири курсов для подготовки фельдшерниц (1888) и женской фельдшерско-акушерской школы в Красноярске (1889). Принимал деятельное участие в организации (1896) и служил в «Обществе врачей Енисейской губернии». В 1898 г. ушёл в отставку и посвятил себя частной врачебной практике и общественной деятельности. Председатель Красноярского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулёзом, редактор его газеты, затем изданий «Сибирские врачебные ведомости» и

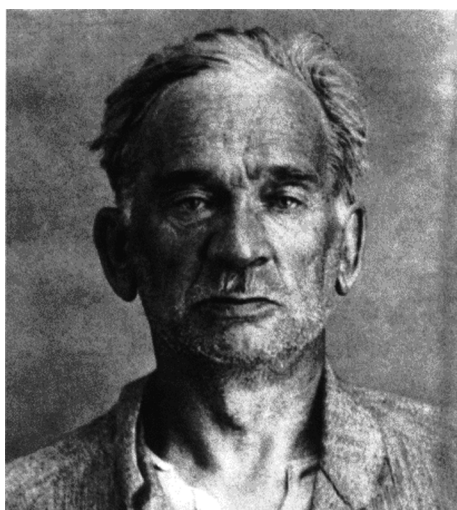

«Сибирское медицинское обозрение». Один из создателей Красноярского подотдела Русского географического общества. Активно поддерживал сибирское областничество. В 1906 г. в административном порядке был выслан и с переселенческой экспедицией находился в качестве статистика в Уссурийском крае. В 1915–1916 гг. подвергался высылке в Центральную Россию. С 1916 г. редактировал и издавал общественно-политический и литературный журнал «Сибирские записки». После февральской революции 1917 г. – председатель Красноярского комитета общественной безопасности и губернский комиссар. В конце января 1918 г. избирался в состав Временного правительства автономной Сибири, в июне – губернского комиссариата. Был министром внутренних дел и заместителем председателя Совета Министров во Временном Сибирском правительстве. Вынужденный уйти в отставку, находился в оппозиции колчаковскому режиму. В советское время занимался врачебной практикой, преподавал и директорствовал в фельдшерской школе, работал в Красноярском медицинском техникуме. Арестованный по обвинению в контрреволюционной деятельности, скончался в тюремной больнице. Реабилитирован.

Теодорович Иван Адольфович (1875–1937) – уроженец г. Смоленска, окончил Московский университет. С 1895 г. – член РСДРП, московского «Союза борьбы», Петербургского комитета и ЦК. Делегат IV и V съездов РСДРП. Участник революционной деятельности на Урале, неоднократно арестовывался. После пяти лет каторги, ко-

Теодорович И.А., 1917 г.

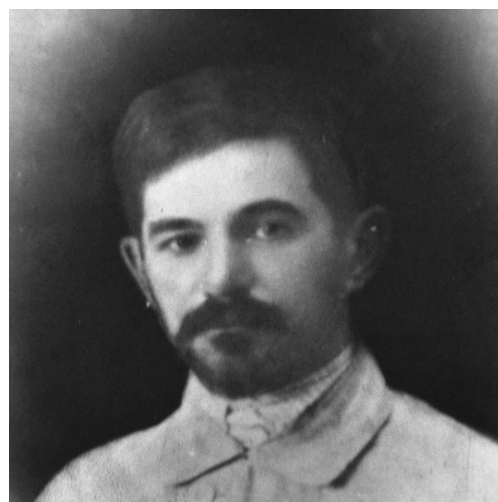

Теодорович И.А. Фото из следственного дела 1937 г.

торую отбывал в Александровском центре, прибыл на поселение в п. Тайшет. После февральской революции 1917 г. – в Петрограде, в октябре того же года вошел в состав первого советского правительства, где был наркомом по продовольственным делам. В 1918 г. работал в Красноярске и Енисейской губернии на заготовке хлеба. Арестован участниками антибольшевистского переворота, заключен в Красноярскую тюрьму, но вскоре освобожден. Занимался инструктированием подпольных организаций и организацией партизанского движения в Канском уезде. С окончанием Гражданской войны – член коллегии Наркомзема, директор Международного аграрного Института, редактор издательства Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и журнала «Каторга и ссылка». В 1937 г. арестован и казнен. Реабилитирован.

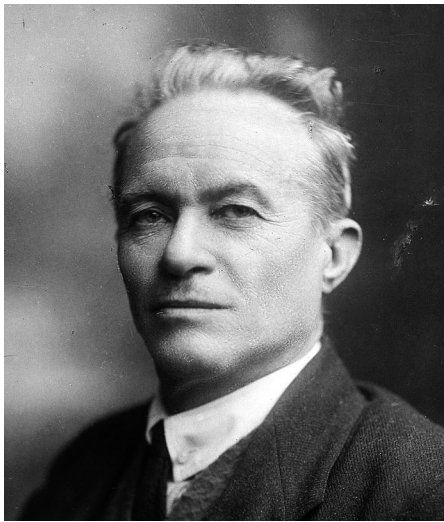
Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938)

– уроженец г. Гомель Могилевской губернии, из семьи торговца, еврей. Член РСДРП с 1898 г. Участник революционного движения в Тамбове, Москве и Санкт-Петербурге. Был арестован и в 1902 г. сослан в г. Енисейск Енисейской губернии, бежал. Член Петербургского комитета РСДРП, был вновь арестован, но в 1905 г. освобождён. Принимал участие в революционном движении в Баку, Москве. В 1911 г. сослан в Шелаевскую волость, затем в с. Абан Канского уезда Енисейской губернии. С 1915 г. – председатель рабочего кооператива «Самодетельность» в Красноярске. После февраля 1917 г. – член Енисейского губернского исполкома, товарищ Красноярского городского головы. В марте 1918 г. – член Западно-Сибирского

краевого Совета и краевого экономического совета, затем – в коллегии Наркомата продовольствия. С 1920 г. – член Сиббюро ЦК РКП(б), заместитель председателя Сибревкома, председатель Сибпродкома, заместитель наркома продовольствия, внешней торговли и финансов. Участник правого уклона в ВКП(б). В 1928 г. направил в Политбюро ЦК ВКП(б) письмо с критикой экономической политики сталинского руководства, за что был подвергнут публичному осуждению. В 1930-е гг. – заместитель наркома внешней торговли, управляющий трестом «Союзпластмасс». В 1937 г. арестован и затем расстрелян. Реабилитирован.

Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928) – уроженец г. Алёшки Таврической губернии, из семьи чиновника, украинец. Окончил Херсонское сельско-

хозяйственное училище (1893), работал статистиком, агрономом, с 1915 г. – в продорганах. Член РСДРП с 1898 г. В 1917 г. – член Уфимского комитета РСДРП, совета, председатель губернского продовольственного комитета и городской думы, член Военно-революционного комитета. С ноября 1917 г. – заместитель наркома, с февраля 1918 по 1921 г. – нарком продовольствия РСФСР, руководил Продармией, один из инициаторов создания комбедов. Делегат VIII и X съездов РКП(б). С 1922 г. – заместитель председателя СНК и СТО РСФСР и СССР, нарком РКИ, председатель Госплана, Нарком внешней и внутренней торговли СССР. Член ЦК РКП(б), Президиумов ВЦИК и ЦИК СССР.

Шаповалов Терентий Александрович (1889–1918) – уроженец с. Снагайск Курской губернии. Окончил церковно-приходскую школу. С 1901 г. проживал в с. Большая Иня Минусинского уезда Енисейской губернии. Участник Первой мировой войны. После ранения служил в Минусинской гарнизонной команде. В 1917 г. – большевик, председатель солдатской секции в совдепе, делегат съезда Советов Средней Сибири (Красноярск) и I общесибирского съезда Советов (Иркутск). Избирался товарищем (заместителем) председателя Минусинского совдепа, членом его отдела по борьбе с анархией и контрреволюцией. Весной 1918 г. занимался продовольственными заготовками в Минусинском уезде. Публично казнен кулаками.

Шепетковский Николай Николаевич (1882–?) – уроженец г. Красноярск, из семьи отставного военного, штабс-капитана и

главы красноярской городской думы. Окончил гимназию (1897). По сведениям современников, был «даровит», унаследовал черты отца – честность, добропорядочность и обладал волевым и принципиальным характером. Занимал должность председателя Продовольственной комиссии. В 1917 г. единогласно был избран председателем губернского продовольственного комитета, был активным членом городской думы, входил от неё в Комитет общественной безопасности.

Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940) – уроженец г. Лубны Полтавской губернии, из семьи столяра. Окончил экстерном гимназию, учился в Харьковском и Бернском университетах. С конца 1880-х гг. вёл социал-демократическую работу на Украине. Провел в ссылке пять лет.

С 1902 г. – в Киеве, член комитета РСДРП, организатор забастовок и митингов. Скрывался за границей. Делегат V съезда РСДРП. В 1907–1908 гг. – член Московского комитета РСДРП. Был арестован и осужден Киевским военно-окружным судом на вечное поселение в Сибирь. После февральской революции 1917 г. – член исполкома Красноярского Совета, Среднесибирского областного бюро и делегат VI съезда РСДРП(б). В октябре 1917 г. – член Московского комитета партии и продовольственный комиссар Московского ВРК. В декабре 1917 – феврале 1918 г. – нарком продовольствия РСФСР. С марта 1918 г. – чрезвычайный продовольственный комиссар СНК РСФСР в Сибири и ряде губерний. В 1919 г. – нарком продовольствия УССР и уполномоченный по продовольственному снабжению Красной армии, член ВУЦИК.

С мая 1920 г. – председатель Тамбовского губернского исполкома, участник борьбы с антоновщиной. С 1921 г. – на руководящей дипломатической, хозяйственной и научной работе. Делегат XIV-XVII съездов

ВКП(б). Член ЦК КП(б)У и Президиума ЦИК УССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Статья поступила 03.02.2016 г.

Библиографический список

1. Аверьев А. Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 7.
2. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск, 1993.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
4. Воля Сибири. 1918.
5. Голос момента. 1918.
6. Голос народа. 1917.
7. Голос народа. 1918.
8. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 258. Оп. 1. Д. 33.
9. ГА КК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 448.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р.-130. Оп. 2. Д. 613.
11. ГА РФ. Ф.Р.-393. Оп. 2. Д. 38.
12. ГА РФ. Ф.Р.-1235. Оп. 93. Д. 308.
13. Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1978.
14. Дементьев А. П. Менталитет сибирского крестьянства как один из факторов развития политического процесса в ноябре 1917 – ноябре 1918 г. (по материалам Енисейской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 9.
15. Долидович О.М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 3.
16. Жизнь Сибири. 1924. № 7–9 (23–25).
17. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986.
18. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972.
19. Знамя труда. 1917.
20. Знамя труда. 1918.
21. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. М., 1993.
22. Известия Енисейского губернского народного комиссариата. 1917.
23. Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск, 1917.
24. Красноярский рабочий. 1917.
25. Красноярский рабочий. 1918.
26. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов исполкома и отделов: сб. докладов. Красноярск, 1960.
27. Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л., 1917.
28. Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.
29. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997.
30. Монастырский Б. Сибирь-кормилица (работа продорганов) // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920.
31. Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 1987.
32. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск, 1967.
33. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
34. Павлюченков С. С чего начинался НЭП? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991.
35. Познанский В.С. Очерки истории вооружённой борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973.
36. Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стенограф. отчёт. М., 1920.
37. Рогачёв А.Г. Крестьянские съезды и Советская власть // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. Красноярск, 2002.

38. Русское слово. 1917.
39. Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2.
40. Свобода и труд. 1917.
41. Свободная Сибирь. 1917.
42. Свободная Сибирь. 1918.
43. Судьба российского крестьянства. М., 1996.
44. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных и национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991.
45. Тумаркин Д. Контрреволюция в Сибири // Сибирские огни. 1922. № 1.
46. Шейнфельд М.Б. Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1954.
47. Шейнфельд М.Б. О рабочем продовольственном отряде станции Абакан // Записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956.
48. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49).

References

1. Aver'ev A. Agrarnaya politika kolchakovshchiny [Kolchak's agricultural policy], *Na agrarnom fronte*, 1929, No. 7.
2. Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi* [Doing the militia service], book 1, vol. 1, Krasnoyarsk, 1993.
3. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red smuta. Nature and consequences of revolutionary violence], Moscow, 1997.
4. *Volya Sibiri*, 1918.
5. *Golos momenta*, 1918.
6. *Golos naroda*. 1917.
7. *Golos naroda*. 1918.
8. (GA KK) *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [State archive of Krasnoyarsk krai]. F. 258. Op. 1. D. 33.
9. GA KK [State archive of Krasnoyarsk krai]. F. 64. Op. 1. D. 448.
10. (GA RF) *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F.R.-130. Op. 2. D. 613.
11. GA RF [State archive of the Russian Federation]. F.R.-393. Op. 2. D. 38.
12. GA RF [State archive of the Russian Federation]. F.R.-1235. Op. 93. D. 308.
13. Gushchin N.Ya., Zhurov Yu.V., Bozhenko L.I. *Soyuz rabocheho klassa i krest'yanstva Sibiri v period postroeniya sotsializma (1917–1937 gg.)* [Union of proletariat and peasantry in Siberia during the period of building socialism (1917–1937)], Novosibirsk, 1978.
14. Dement'ev A. P. *Mentalitet sibirskogo krest'yanstva kak odin iz faktorov razvitiya politicheskogo protsessa v noyabre 1917 – noyabre 1918 g. (po materialam Eniseiskoi gubernii)* [The mentality of the Siberian peasantry as a factor in the political process in November, 1917 – November, 1918], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 9, ser.: Istoriya.
15. Dolidovich O.M. *Prodovol'stvennyi krizis v Eniseiskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Food crisis in Yeniseiskaya gubernia in World War I], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i isskustvovedenie. Voprosy teorii i praktik*, 2014, No. 12, part 3.
16. *Zhizn' Sibiri*, 1924, No. 7–9 (23–25).
17. Zhurov Yu.V. *Grazhdanskaya voina v sibirskoi derevne* [Civil War in Siberian village], Krasnoyarsk, 1986.
18. Zhurov Yu.V. *Eniseiskoe krest'yanstvo v gody grazhdanskoi voiny* [Yenisey peasantry in Civil War], Krasnoyarsk, 1972.
19. *Znanya truda*, 1917.
20. *Znanya truda*, 1918.
21. Ivantsova N.F. *Zapadno-sibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoi polovine 1918 g.* [West-Siberian peasantry in 1917 – 1st half of 1918], Moscow, 1993.
22. *Izvestiya Eniseiskogo gubernskogo narodnogo komissariata*, 1917.
23. Koz'min N.N. *Zemel'nyi vopros v Eniseiskoi gubernii* [Land issue in Yeniseiskaya gubernia], Krasnoyarsk, 1917.
24. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917.
25. *Krasnoyarskii rabochii*, 1918.
26. *Krasnoyarskii Sovet. Mart 1917 g. – iyun' 1918 g. Protokoly i postanovleniya s'ezdov Sovetov, plenumov ispolkoma i otdelov: sb. dok-v* [Krasnoyarskii Sovet. March, 1917 –

- June, 1918. Protokols and resolutions of congresses of Soviets, plenums of the executive committee and departments: collection of documents], Krasnoyarsk, 1960.
27. *Krest'yanskoe dvizhenie v 1917 godu* [Peasant movement in 1917], M.-L., 1917.
28. *Krest'yanstvo v Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [Peasantry in Siberia in the period of building of socialism (1917–1937)], Novosibirsk, 1983.
29. Leonov S.V. *Rozhdenie sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiya. 1917–1922 gg.* [Birth of the Soviet empire: state and ideology. 1917–1922], Moscow, 1997.
30. Monastyrskii B. *Sibir'-kormilitsa (rabota prodorganov)* [Siberia-nurse (activity of food procurement departments)], *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920)* [Three years of the struggle against the dictatorship of the proletariat (1917–1920)], Omsk, 1920.
31. *Oktyabr' v Sibiri. Khronika sobytii (mart 1917 – mai 1918 g.)* [October in Siberia. Chronicle of the events (March, 1917 – May, 1918)], Novosibirsk, 1987.
32. *Ocherki istorii Krasnoyarskoi partiinoi organizatsii* [Essays of the history of Krasnoyarsk Communist party organization], vol. 1, Krasnoyarsk, 1967.
33. Pavlyuchenkov S.A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [Military kimmunism in Russia: power and people], Moscow, 1997.
34. Pavlyuchenkov S. *S chego nachinal'sya NEP? [How did NEP begin?], Trudnye voprosy istorii. Poiski. Razmyshleniya. Novyi vzglyad na sobytiya i fakty*, Moscow, 1991.
35. Poznanskii V.S. *Ocherki istorii vooruzhennoi bor'by Sovetov Sibiri s kontrrevolyutsiei v 1917–1918 gg.* [Essays of the history of the armed struggle of the Siberian Soviets against contrrevolution in 1917–1918], Novosibirsk, 1973.
36. *Protokoly zasedanii VTsIK 4-go sozyva: Stenograf. otchet* [Protokols of the meetings of VTsIK of 4th calling: Verbatim report], Moscow, 1920.
37. Rogachev A.G. *Krest'yanskie s"ezdy i Sovetskaya vlast' [Peasant Congresses and Soviet Power], Vlast' i obshchestvo. Regional'nye aspekty problem*, Krasnoyarsk, 2002.
38. *Russkoe slovo*, 1917.
39. Sverdlov Ya.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1959. Vol. 2.
40. *Svoboda i trud*, 1917.
41. *Svobodnaya Sibir'*, 1917.
42. *Svobodnaya Sibir'*, 1918.
43. *Sud'ba rossiiskogo krest'yanstva* [Fortune of Russian peasantry], Moscow, 1996.
44. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh i natsional'nykh organizatsii v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of the social-classes, political and religious and national organizations in Yeniseiskaya gubernia (March, 1917 – November, 1918)], Tomsk, 1991.
45. Tumarkin D. *Kontrrevolyutsiya v Sibiri* [Counterrevolutions in Siberia], *Sibirskie ogni*, 1922, No. 1.
46. Sheinfel'd M.B. *Bor'ba Sovetov Eniseiskoi gubernii za soyuz rabocheho klassa i trudnyashchegosya krest'yanstva v pervyi period Sovetskoi vlasti v Sibiri (noyabr' 1917 – iyun' 1918 gg.)* [Struggle of Soviets of Yeniseyskaya gubernia for the union of proletariat with labor peasantry in 1st period of Soviet Power in Siberia (November, 1917 – June, 1918)]: Extended abstract of candidate's thesis, Tomsk, 1954.
47. Sheinfel'd M.B. *O rabochem prodovol'stvennom otryade stantsii Abakan* [About the labor food procurement troop of the station Abakan], *Zapiski Khakasskogo NIIYaLI*, issue IV, Abakan, 1956.
48. El'tsin V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v period Kolchaka* [Peasant movement in Siberia during the Kolchak Power], *Proletarskaya revolyutsiya*, 1926, No. 2 (49).

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization “Society Memorial”, 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Schetinkina, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru